

СПУСКАЯСЬ К МОРЮ

По ступенькам обледеневшим
Моря шум послушать спускалась.
Кто-то верит, что может вещим
Сон быть, верит, что жить осталось

Столько, сколько решит кукушка,
Сколько скажут руны и карты.
Кто-то верит, что жизнь – полушка,
Если два рубля до зарплаты

Остаётся с того аванса,
Раз за разом и постоянно,
Кто-то верит, что раз пасьянсы
не сошлись, то в судьбе неладно.

Что судьба? Да откуда знаешь,
Сможешь ли ты с утра проснуться?
Кто-то что-то. А ты желаешь
Со ступенек не навернуться

Скользких, к морю сейчас желаешь
Без потерь спуститься неспешно
и на каждый шаг повторяешь:
«Боже, милостив буди мне грешной».

* * *

Жизнь – до чего она проста,
По ряду да по петельке,
От Рождества до Рождества,
От Сретенья до Сретенья.

Не гневайся, не множь стыда,
Молись – и всё устроится.
От Пасхи и до Пасхи да
от Троицы до Троицы.

Когда-то ж надо верить в ложь,
Но наступает выслуга –
Уже не веришь. И живёшь
От приступа до приступа.

ХОР АВТОРЕМОНТНОГО ЗАВОДА

Менялась, столько раз менялась мода,
Никто не повторит наверняка
Тот хор авторемонтного завода
На деревянной сцене РДК.

Умели петь они иль не умели,
Те люди, что стояли в два ряда,
Но дети с восхищением смотрели
На то, что не вернётся никогда.

А в песнях тех советские солдаты
Домой с войны дорогой шли степной,
Вели орлят безусые комбаты,
Шёл через рощи парень молодой,

В тех песнях Ленин жил в весне и в каждом,
Летел в туман клин белых журавлей...
Умели петь? Да разве это важно,
Когда концерта не было главней

Для тех детей, которые от сцены
Восторженных не отрывали глаз, –
На сцене папа пел и мама пела...
И не осталось ничего сейчас

От городка, не то что от завода,
Не возвращайся – детства не найдёшь.
Но кто поймёт, что ты не мимоходом
порой про степь донецкую поёшь?

Но небо здесь какое-то чужое,
хоть звёзды я в созвездья собираю,
и вот он, ковш большой, но из него
не то что выпить, не налить ни капли,
такой он тут зимою вертикальный...
И да, мне всё равно, что скажешь ты
про то, что мой стишок несовершенен,
поскольку никому никто не должен
уж ничего, вообще, совсем от слова,
мне не слабо предлоги переставить,
ты всё равно читать его не будешь,
два года, как прошло с последней встречи,
букет бордовых роз – и до свиданья,
хотя бы я с тобою попрощалась,
и, знаешь что, я всё ещё не верю,
что мы с тобой могли не повстречаться,
и всё тогда сложилось бы иначе,
но вот я здесь, смотрю в чужое небо
и по привычке собираю звёзды
в знакомые по атласу фигурки,
и пусто оттого, что мы бы вряд ли,
останься ты в живых, поговорили,
переросла тебя, как ты хотел. Успела.
А ты ведь так и не узнал об этом.

* * *

Вот оно и подалось,
Это нежное сердечко,
Не увидимся, конечно,
Это даже не вопрос.

Вот пошёл обратный счёт,
Вот пока что на недели,
И хоть что теперь ты делай,
Не успеешь на расчёт.

Мне не страшно уходить,
Мысль об этом не довлеет.
Пусть успеет, кто успеет,
На прощанье навестить.

Отпуск взять, купить билет
И приехать повидаться,
Может, с кем-то, только, братцы,
Это не со мною, нет.

Не проститься, не простить.
Этот бой без перерыва.
Мчится тройка вдоль обрыва.
Только вожжи отпустить.

Мотив знакомой старой песни,
из полого в пустое лить.
– Скажи мне, что в остатке, если
дождь – и на мыло разделить?

Кому ночные слёзы сладки,
кому полынью бланманже.
– На мыло дождь делить с остатком
давно не пробуют уже.

Всё слишком было. С лишком было.
Довольно Кесарю монет.

.....
А ты всё делишь дождь на мыло,
И всё не сходится ответ.

ПРОБНАЯ ПОПЫТКА ЭЛЕГИИ

Когда понимаешь, что хватит терпения,
что хватит ума, и рассудка, и смысла,
тогда превращается стихотворение
в застывшую копию проблеска мысли,
лишённую той непосредственной радости,
что миг выбивает слова из размера.
Но разве кто может вкуснее тех сладостей,
которые мама готовить умела,
тех самых порой пригоревших пирожных,
того мармелада и той карамели?
По правилам строчки как надобно сложишь,
но промысел Божий ничто не заменит.
Да сколько угодно ваяй для эстетики,
и пусть восхищаются люди искусством;
спаяешь созвучия и арифметику,
и вот на листе уже даже не пусто.
Червонной ли дурью, тоской ли вокзальной
тебя обоймёт, по живому обгложет,
по этому поводу универсальное
есть средство: работай, молись, и поможет.

* * *

Подчеркни или вычеркни лишнее, на посмеяться,
не люблю не тебя не постель не твою не согрею,
а святым ли пророком пришёл, Дорианом ли Греем,
проходящим ли мимо пришёл, от судьбы ли паяцем,
подчеркни или вычеркни лишнее, чтоб понимала,
забежал просто так, есть дела, дома кофе весь вышел,
пригласить погулять, потихоньку поехала крыша,
много в мире причин и предлогов по ходу немало;
подчеркни или вычеркни лишнее, хватит лукавить,
просто выбери что-то поближе и сделай пометы,
без оглядки на мнения и без поправки на лето,
без надежды прийти ещё раз, чтобы что-то исправить.

Если ты мне приснишься, то я улыбнусь – к дождю,
И возьму с собой зонт, и, конечно же, он пригодится.
Это просто вода, если хочешь, водичка, водица,
я когда-то решила, что если с тобой не водиться,
то избавлюсь от этого на непонятное «Тю!».

Если ты мне приснишься, то я улыбнусь – зачем
перекушала на ночь пельменей, залив майонезом.
Мы с тобой никогда не разбавим наш рэйв полонезом.
Отвалилась нога, так её заменяют протезом,
а душа отвалилась – её не заменишь ничем.

Если ты мне приснишься, то я улыбнусь – опять
у него рецидив этих вечных любовных мучений,
или, может, от скуки он ищет себе приключений,
или где-то в миру он настолько огрѐб огорчений,
что ему и за счастье ночами меня проверять.

Если ты мне приснишься. Хотя улыбнусь и так.
Мне не надо причин, чтобы утром уметь улыбаться.
Я и снов-то не помню, не то чтоб сквозь них продираться.
Тот, кто ищет, всегда обнаружит к чему бы придраться.
Редкий день, выходя, не хватаю с собою – зонта.

ДЕЖУРНАЯ САНИТАРКА

«Вот что значит загнать себя на подлодку,
под расчёт получить баланду и две колодки», –
говорит она, впрочем, всегда в охотку,
когда выпьет четвёртую стопку водки.

Говорит она сильным альтом и тихо плачет,
что уже так давно для него ничего не значит,
хризантемы совсем повяли на старой даче
и давление как-то странно берёт и скачет.

Всё слова и слова, подожди – и ждала, покуда
вдруг не стала из ловких рук выпадать посуда,
десять лет всё никак не кончатся пересуды,
а любовь, ведь она не долг, не кредит, не ссуда.

Не вернёшь, что отдал, ни судом, ни мольбой, ни боем,
сколько взглядом своим по ночам ни буравь обои,
только кто согласится платить за любовь любовью,
вот и небо опять издевательски голубое.

А когда-то он был медбратом, пошёл учиться,
улыбался, когда стучал по её ключицам,
говорят, много кто готов у него лечиться,
и теперь с ней уже ничего, ничего уже не случится.